

«ГОРЕ» И «УТЕШЕНИЕ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА*

Н.Ю. ФЕДУНИНА**

Психология переживания горя, тяжелых жизненных ситуаций, а также осмысление психотерапевтической работы, помощи человеку страдающему могло бы немало почерпнуть в исследовании языковой картины мира, опыта многих поколений, запечатленного в языке. Еще И.Тэн на заре научной психологии признавал языкознание одной из соседствующих с психологией областей, диалог с которой может много дать для понимания психологических закономерностей (Тэн, 1884), а П.Жане утверждал, что психология часто представляет собой не что иное, как исследование словаря (Janet, 1935). Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира (Апресян, 1995). Складывается своего рода коллективная философия, которая присваивается всеми носителями языка. Языковая картина мира — исторически сложившаяся в обыденном сознании и отраженная в языке совокупность представлений о мире. Современная лингвистика накопила много сведений о способах концептуализации языком внутренних состояний человека (Зализняк, 2006).

Мы попытались рассмотреть русские лексемы, фразеологизмы, пословицы и поговорки, связанные с переживанием горя и утешением. Выбор материала определяется признанием за паремиями¹ функции регуляции человеческого поведения, моделирования разных жизненных ситуаций, их значения в знакомстве с картиной мира, прави-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Грант 07-06-00477а. Консультант статьи — Анна А.Зализняк.

** **Федунина Наталья Юрьевна** — к. психол. н., психолог-консультант Социального центра «Развитие».

¹ Паремии — народные изречения, выраженные предложениями (пословицы, поговорки, приметы), а также короткими цепочками предложений, представляющими элементарную сценку или простейший диалог (побасенки, загадки, одномоментные анекдоты) (Пермяков, 1988).

лами поведения, мышления (Пермяков, 1988), их связи с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами (Телия, 1996).

Мы предполагаем, что исследование культурного опыта, запечатленного в ткани языка, может углубить понимание механизмов психического переживания сложных жизненных ситуаций, осмысления возможностей помощи и утешения в горе.

Откуда приходит горе

Горе может обозначать как глубокое душевное страдание, вызванное несчастьем, утратой, так и событие, обстоятельство, вызывающее глубокое душевное страдание (Ефремова, 2006). В первом случае в синонимический ряд входят понятия «скорбь», «печаль», «кручина»; во втором — «беда», «несчастье».

Горе в русской языковой картине мира приходит неожиданно², его невозможно избежать. *Горе наперед не сказывается. Горе не ищут — оно само приходит. Я от горя, а оно ко мне вдвое.* Горе (беда) приходит ко всем, от него никто не застрахован. *От беды ни откреститься, ни отмолиться. Край земли, конец моря, везде много горя. Кто горя не видывал?* Горе привязывается к человеку. И непременно нужно было дойти до конца, до предела, чтобы подумать о спасении. Горе подчас сидит в самом человеке, его безволии (Вышеславцев, 1995).

В случае **беды** особенно ярко выражена «множественность» бед, их способность к быстрому увеличению, бесконтрольному росту. *Пришла беда — жди другой. Беда никогда не приходит одна.* Беда персонифицируется. Она способна порождать себе подобных, накликает, подгоняет другие беды, приходит с целой свитой. *Беда беду родит — третья сама бежит. Одна беда не угасла, другая загорелась.* Придя, спустившись откуда-то сверху, — лихо, шумно — беда сбивает с ног, валит, разит. *Набежит беда — и с ног собьет. Беда исплошила, совсем повалила.* И даже после того, как прокатится основной поток, расслабляться нельзя. *Беда за бедой, как волна за волной. А добедки не менее опасны. Лиха беда одной беде прийти, а победки с ног собьют. Едет беда, запрягает бедой, погоняет бедой, а добедки скороходами, а победки колобродами.* Беды устраивают ловушки — *оказаться в беде, попасть в беду, оставить в беде,*

² В средневерхненемецком концепт *leit* (горе) метафорически ассоциируется с тяжелой темной тучей, омрачающей жизнь, а также с мощным раскатом грома, что подчеркивает неожиданность, способность к внезапному удару (Заяц, 2006). Отношение к идее света — важный аспект концептуализации эмоции (Апресян, 1995).

бросить в беде (Мальцева, 2004), откуда, как из болота, человека можно вытащить.

Несчастье часто рассматривается через антитезу «счастье-несчастье». Подчеркивается, как близко они друг от друга. *Счастье с несчастьем двор обо двор живут*. Радостное событие может быть следствием горестного, а несчастье — условием счастья. Одно событие приобретает смысл на фоне другого. *Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло. Теля умерло — хлеба (корму) прибыло. Все на свете к лучшему. Нет худа без добра*. Несчастье в русских поговорках предполагает сопричастность: есть «товарищ по несчастью», но нет «товарища по счастью». Хотя: *Все видят, как веселюсь, а никто не видит, как плачу. Носи платье, не складывай; терпи горе, не сказывай!* Да и горя в жизни больше — *Горе, что ногти (все время растут), счастье, что кудри (быстро вянут)* — и поделиться горем часто не с кем, ведь *горе сирое*.

Начальная фаза горя — шок и оцепенение. «Не может быть!» — первая реакция. Горе может привести в состояние буйства, к потере хороших манер и даже человеческого облика (*Взвять волком. Реветь белугой. Рвать на себе волосы*). Часто человек знает, но не может поверить в случившееся³. *Глубокое горе, глубокое отчаяние* делает недоступным для человека контакт с внешним миром — как если бы он находился на дне водоема или глубокой ямы. Остальной мир для него перестает существовать, как и он для мира (*Зализняк, 2006, с.60*). Шок оставляет человека в том «до», где умерший был еще жив (*Василюк, 1991*). И это «до» практически недоступно для других из их «здесь-и-теперь».

Часто первым чувством человека, выходящего из нечувствительности, онемения горя, является злость. Горе заманивает человека в кабак и заставляет его пропить все, *залить горе вином, утопить горе в стакане* (попытка забыться, продлить беспмятство, анестезию), оно нашептывает ему сомнения в людях (О Горе-Злосчастии). Горя ни переплыть, ни вылакатыть, оно окружает со всех сторон и это делает ситуацию безвыходной, а положение человека — отрезанным от окружающих. *За морем веселье, да чужое: а у нас и горе, да свое. Пришло горе,*

³ Интересно, что состояние, обозначаемое глаголом *знать*, пассивно и обусловлено информацией, поступающей к субъекту; состояние, обозначаемое глаголом *верить*, обуславливается свободным выбором субъекта и вытекающими из этого выбора ментальными актами (*Булыгина, Шмелев, 1997, с.404*). Субъект знания пассивен, знание не зависит от воли, субъект воли активен, вера является результатом свободного выбора (с.403). Человек может знать, быть поставлен в известность, но не желать по своей воле принять это знание.

взволновалось море, люди тонут, а нас туда же гонют. К небу высоко, а в реку глубоко, и приходит вертеться, как некуда деться. Со стороны горе, с другой море, с третьей болото да мох, а с четвертой ох! Остров окружило водою, а нас бедою.

Другое свойство горя — тяжесть. *Раздавлен горем, подавлен горем, согнулся под тяжестью* своего горя (Зализняк, 2006, с.62), *убит горем*, не вынеся этой тяжести. Как ни тяжело, но горе нужно нести — *нести горе* как выражение работы переживания страдания. *Я нёс своё горе, страдал!* (Василий Шукшин. Печки-лавочки) (Национальный корпус русского языка). Не вынеся горя, потери, человек может умереть с (от) горя. Горе как ничто близко к смерти, непонятно.

Чем горе больше, тем оно глубже, тяжелее и с тем большей силой давит на человека. Человек пребывает *погруженным* в горе (Успенский, 1997, с.150). В таком положении тяжело дышать и трудно разогнуться. *Ни вздохнуть, ни охнуть. Нашего слугу согнуло в дугу.*

С реакцией «не может быть!» часто связан и вопрос «Почему это случилось со мной?» «Почему сейчас?», связанный с поиском причины и приписыванием вины (интересно, что вопрос о причине часто подменяется вопросом о вине — «Кто виноват и что делать?»).

Одной из основных особенностей русской языковой картины мира является идея непредсказуемости мира, недоступности контролю человека (Зализняк и др., 2005). Человек не в силах ни предвидеть беду, ни предусмотреть всего, чтобы ее избежать. Исследователи отмечают недоразвитость структуры понятий причины и следствия в русской языковой картине мира, связывая это со сниженной аналитичностью в силу повышенного фатализма и ослабленной идеей ответственности. «Россия не знала эпохи увлечения рационализмом» (Голованивская, 1997, с.180) в отличие от Европы, для которой столь желанная свобода необходимо связывалась с рациональностью. Поступать свободно — значило выявить и обосновать правило своего поведения (Гутнер, 2008). «Так случилось» — идеальное для русского бытового сознания объяснение (Голованивская, 1997, с.180; Зализняк, Левонтина, 2005). Безличная форма глаголов составляет одну из наиболее характерных особенностей русского способа мышления, причем их количество в современном русском возрастает. Человек является в них не активным действующим лицом, а пассивным и более или менее бессильным, не контролирующим события экспериенцером, а мир, в конечном счете, являет собой сущность непознаваемую, где истинные причины событий неясны и непостижимы (Вежбицкая, 1996).

В представлениях о причинах горя сочетаются мифологические языческие верования и подлинно христианские.

Так, в русской пословичной картине мира горе часто *связывается с водой*. *Горе поверху плыло, погодой к берегу прибило. Горе и уходит в воду. Вода прошла, и беда прошла. Все беды, что бесы, в воду — и пузыри вверх. И действие с горем* — как с водой. *Хлебнуть горе полной пригоршней. Горе не море, выпьешь до дна. Горе-горюха: хоть горько, да упивайся.* Вода — одна из фундаментальных стихий мироздания, первоначало, эквивалент первобытного хаоса (Аверинцев, 1991). В мифологии славян вода связывается с отрицательным началом. *Черт огня боится, а в воде селится.* Горе, как и тоска, в этих верованиях связана с потусторонним миром, воплощенным в водной стихии, — оттуда оно приходит, туда уходит (Балобанова).

Бывает, что горемычность, бедовость — загадочное *свойство человека*. *Пошла Настя по напастям. Бедовник на горе уродился. Бесщастный привык к бедам, будто к добрым делам. На бедного Макара все шишки валяются. Курице и на поминках и на свадьбе горе. Кому не везет, того собака и на верблюде укусит.*

Причиной горя может считаться судьба или другие высшие силы, которые распоряжаются жизнью человека. Представления о судьбе принадлежат к наиболее коренным категориям культуры. Они указывают на самую высшую силу (*рок, провидение, промысел*), на форму, которую жизнь принимает в результате деятельности высших сил (*удел, доля, участь, судьбина*); на определяющую события волю высшей силы (*предопределение*); на функцию человека, которую, согласно воле высших сил, он должен выполнить в своей жизни (*предназначение*) (В.Ю.Апресян, 2006).

В современном языке выделяют три ипостаси судьбы: переменчивая, своевольная высшая сила (*От судьбы не уйдешь. Судьбу и на коне не объедешь*); данное Богом, то, что дарится, чем наделяется человек (*Все под Богом ходим. Что будет, то будет, а будет то, что Бог даст. Горе от Бога, а неправда от дьявола*) и путь, связанный с продвижением, активным выбором человека (*Жизнь прожить — не поле перейти. Век долг — всем полон*) (Голованивская, 1997).

Рок предстает как темная, враждебная сила (*Рок головы ищет*). Его действие точно, он преследует, настигает. *Доля, участь, удел (горькая, несладкая доля)* имеет выраженную отрицательную коннотацию, и во многом свидетельствует о пессимистическом отношении русских к жизненной перспективе и ретроспективе (Голованивская, 1997, с.52). Беды не только множатся, но и не спешат уходить.

Бедя кулем валит, а счастье золотниками. И наша правда будет, да нас тогда не будет.

Представление о судьбе дает удобный способ примириться с непредсказуемостью жизни. *Такая уж у меня судьба. Не судьба* — распространенные формулы примирения с действительностью в русской языковой картине мира⁴. Но судьба может пониматься и как божественный замысел о человеке, следование которому рассматривается как нравственный долг. *Подумаешь — горе; а раздумаешь — власть Господня*. Для православия центральным является образ кроткого и смиренного Христа (Булгаков, 2003). Человек призван стать сообразным Христу, следовать за Ним, нести свой крест — свою судьбу, мирские бедствия (Степанов, 2001).

Весь этот блок, объясняющий источник горя, очень важен в ситуации трагедии, когда так часты вопросы «почему я?», «почему сейчас?», «кто виноват?» и пр. Он ярко иллюстрирует одну из основных особенностей русской языковой картины мира — представление о непредсказуемости мира. Нельзя ни полностью застраховаться от неприятностей, ни исключить, что вопреки всему произойдет что-то хорошее. Как будто в чем-то сохраняется архаическая модель времени, когда прошлое впереди нас, воспринимаемо и очевидно, а будущее — позади, и, как свойственно этой модели, «расположено где-то за нашей спиной, где у нас нет глаз и куда не достигает наш взор, надвигается из-за спины, невидимо для нас, и обрушивается внезапно, когда оно разитя с настоящим над нашей головой» (Степанов, 2001, с.120). Христианство разворачивает человека, и он научается идти лицом по направлению движения, лицом даже «в ту черную тьму» смерти. Поэтому так важно для русской картины мира образ судьбы как дара Божьего человеку, несение своего креста как несение своей судьбы, выполнение своего христианского долга. И утешение, и свет для человека страдающего — в этом Свете, который ведет через «черную тьму».

«Светильник светил, и тропа расширилась» (И.Бродский).

⁴ Интересно, что *не судьба* не является простым отрицанием существительного *судьба*, это самостоятельная, отчасти фразеологизованная единица. Семантически выражение *не судьба* близко к *не суждено*. Ее прагматическая особенность — интерпретационность. «Факты интерпретируются как проявление воли судьбы, направленной против осуществления некоторого события в будущем. ... В реальном употреблении это выражение обычно подразумевает, что говорящий готов с легкостью принять то, что ему пошлет (или не пошлет) судьба и, в случае, если она ему чего-то желательного не посылает, порадоваться отсутствию необходимости действовать». (Апресян, 2006).

Горе — горькое⁵, луковое, горемычное, лютное. Горе без языка, но называется (сказывается — «обнаруживается, проявляется», и «говорит»). Его можно видеть, вкусить, выпить (до дна). В отличие от радости оно серо. *Радость красна, горе серо*. А еще чаще связывается с черным цветом⁶. *Душа почернела. Черный день. Черное горе голову белит*. У человека в горе душа не на месте⁷. Оно может представляться как болезнь — *неизлечимое горе*.

Горе тяжело, оно сказывается на физическом, эмоциональном, психологическом состоянии человека. *Плохой аппетит: Горе калачом не закусывают. И еда на ум нейдет, коль беда придет. Плохой сон: Придет кручина — не уснешь на перине. Этой беды не запишишь*. Или наоборот возможность заспать беду (но не горе). *Беду спишь, спишь, да и выступишь. Эту беду заспать можно*.

Многие выражения описывают *внешние проявления переживания горя*. *Взвять волком. Взвять благим матом. Реветь белугой. Слезы, эмоции* приводятся со свойственным для паремий ситуативной оценкой. *Плакать не плачу, а слеза бежит. Где горе, тут и слезы. Все глаза заплакал. Есть слезы, которых и солнце не высушит. И жидка слеза, да едка*. Но часто звучит и предостережение против излишних слез. Не поддерживается выход из себя, чрезмерная эмоциональность переживания. *Голосом выть, горя не избыть. Слезами горю не поможешь*. «Как не сродно нам плакать о близких... эта скорбь должна иметь свою меру. Иное дело язычники: они плачут, и плачут иногда безутешно, потому что не имеют упований» (*епископ Гермоген*, с.7). В выражении страдания, горя присуща скорее сдержанность, оно всегда не напоказ, переживается

⁵ Горе связано с *горький* (т.е. «душа испытывает нечто подобное тому, что испытывает тело, когда оно чувствует горький вкус») — *горе горькое, горькие слезы, горькая участь, горько мне, еще горше* (Зализняк, 2006).

⁶ В средневерхненемецком лексема *leit* (горе) использовалась также для обозначения мрака, темноты (Заяц, 2006).

⁷ Душа в наивно-языковом представлении воспринимается как своего рода невидимый орган, локализованный где-то в груди и «заведующий» внутренней жизнью человека, вместилище внутренних состояний (Шмелев, 2002, с.21). *Тяжело на душе*. У сильно встревоженного человека душа перемещается в новое, неподходящее место. *Душа не на месте*. Дух — скорее некоторая нематериальная субстанция, которая не столько находится внутри человека, сколько окружает его и его душу, как своего рода ореол. *Упасть духом* — прийти в уныние, при котором достичь высот духа уже невозможно. Дух составляет внутренний стержень. *Сломить дух. Кто духом унал, тот пропал*. В критической ситуации человеку бывает необходимо присутствие духа.

внутри себя (Вадеев, 2004). Больше поддерживается переживание горя в себе. *Носить горе в себе. Носи платье, не складывая; терпи горе, не скаживай!*

Многие пословицы описывают, как горе, несчастье влияет на человека, его внешний облик, внутреннее состояние, действия. Паремии объективируют это воздействие, что ярко воплощено в использующихся глаголах: оно *валит, сбивает с ног, разит*. Чаще всего выделяется действие **потери опоры, а также сгибание, падение, опускание, иссушение** (ассоциация влажности с чувствительностью, а сухости — с бесчувственностью: *Зализняк, 2006, с.62*). *Беда исплошила, совсем повалила. Набежит беда — и с ног собьет. Кручина с ног собьет, нужда и вовсе закроет. Горе что стрела разит. Гнет не на живот, а на смерть. Беды да печали с ног скачали. Кручина иссушит в лучину*. Горе как бы вынимает человека из времени, и он оказывается в безвремяе: *доля во времени живет, а недоля в безвремяе* (Мальцева, 2005); и время из человека: *один день век заел. От радости и старухи молодеют, от горя и молодые стареют*.

Горе захлестывает человека, наполняет жизнь человека как некоторая однородная субстанция, оно лишает человека контроля над разумом — *обезуметь от горя, сойти с ума, помешаться с горя* (Мальцева, 2005). А в современном сознании ум ассоциируется со способностью человека принимать решения, порождать новое знание, а также с той основой, благодаря которой человек может твердо стоять на своих ногах (Голованивская, 1997, с.135). Потеря подкашивает, лишает опоры (в прямом и переносном смысле слова).

Паремии указывают пути восстановления равновесия обретением точки опоры, расширением жизненных горизонтов: терпение, сила духа, надежда, смирение. *Без одежды, но не без надежды. Счастье скоро покидает, а добрая надежда — никогда. Век живи — век надейся. Колотись да бейся, а все же надейся. Одной беде сразу не поддамся. Кто духом упал, тот пропал. Кто в горе руки опускает, тот и счастья не узнает. Не гневи Бога ропотом, молись Ему шепотом. Деньги потерял — ничего не потерял, здоровье потерял — много потерял, бодрость духа потерял — все потерял*. Для русской языковой картины мира характерна **установка на примирение с действительностью**, на смирение (Шмелев, 2002, с.99). *Покорись беде, и беда покорится. Не плачься, Бог лучше полюбит*. Смирение предполагает готовность человека с благодарностью принять все, что с ним случится, поскольку во всем происходящем видит Божью волю; это может предполагать принятие страданий, преследований, которым подвергается человек, и его готовность «смириться» со своим низким положением.

Терпение. *Счастье зови, а горе терпи. Лучше век терпеть, нежели теперь умереть. Всякое зло терпением одолеть можно. В счастье всякие умеет понять, а умный умеет и горе терпеть. Час терпеть, а век жить. С бедой не перекоряйся, терпи. Бог терпел и нам велел. Тяжел крест, да надо несть. И в аду обживешься — так ничего.*

Терпение связывается с идеей ресурсов, им надо *запастись*, его нужно *иметь*, оно может *кончиться* или его может *не хватить*, его можно *потерять*, но им также можно *вооружиться* против уныния или отчаяния. Из терпения можно *вывести*, из чего следует, что терпение — это некоторое ограниченное пространство, в котором человек обычно находится (ср. другие сочетания, воспроизводящие идею «выхода за пределы»: *выйти из себя, вывести из себя*) (Зализняк, 2006, с.63). Это согласуется с позицией, высказываемой в богословской литературе. «Главное — сохранить себя, сохранить свою душу. Не допусти себя до того, чтобы обидеться, остраститься, тогда ты в плену соблазна, тогда ты не на твердой почве. Но если ты принадлежишь себе, ты неотразим» (Булгаков, 2003, с.60). Как и понятие *судьба*, *терпение* здесь связано с принятием воли Божьей. Согласно аскетической традиции, оно противостоит унынию, и тогда, по Соловьеву, «терпеливость есть только страдательная сторона того душевного качества, которое в деятельном своем проявлении называется великодушием, или духовным мужеством» (цит. по: Шмелев, 2005). В этом смысле терпение очень связано со смирением.

Утешение пожеланием терпения оказывается побуждением пребывать в себе, не выпадать из личного пространства, из себя, вооружиться, укрепиться от отчаяния и уныния, страстей и необдуманных решений. Часто употребляется и пожелание сил. Лексема *силы* обозначает внутренние возможности человека, благодаря которым он в состоянии выполнить какие-либо действия, которые предполагают определенные волевые усилия. Как и в случае терпения, лексема *сил* связывается с идеей ресурсов (Урысон, 2003), а пожелание сил связано с побуждением к собиранию внутренних ресурсов на совершение необходимого усилия, обеспечивающего непрерывность жизни и возможность пережить сложный жизненный этап.

Формально пожелать терпения и сил бывает легко, но терпеть тяжело. **Невозможность терпения** оказывается нередкой темой паремий. *Лучше умереть, чем горе терпеть. Терпит брага долго, а через кран пойдет — не уймешь. Терпишь, терпишь, да и лопнешь. Человек — не камень: терпит, терпит, да и треснет. Терпя и камень треснет. Ждали-ждали, и все жданки съели. Держалась лошадь за оглобли, да упала. Крепился, да с ног свалился.* Невозможность терпения может быть связана с тем, что

неизвестен результат терпеливого ожидания. *Терпеть не беда, было бы чего ждать.*

Пережить горе, не замкнуться в себе, не остаться на глубине ямы-водоема помогают не только упование, но и труд. *Горюй, горюй, а руками воюй. Мужик умирать собирайся, а земельку паши. Рукой погоняй, кулаком слезы утирай.*

Постепенно, медленно жизнь входит в свою колею, восстанавливаются сон, аппетит, активность, умерший перестает быть главным средоточием жизни. Переживание вступает в свою последнюю фазу — «завершения», и образ умершего занимает свое постоянное место в продолжающемся смысловом целом жизни (Василюк, 1991).

Пословицы предупреждают от слишком долгого переживания: *Долго горе горевать — все равно, что хрен жевать.* Горе не только превращает всю жизнь человека. Много пословиц связано с мотивом **научения жизни в горе, его свойстве рождать мудрость.** *Что вымучит, то и выучит. Угоря и промысел. Придет беда — купишь ума. Натерпишься горя — узнаешь, как жить. Беда ум родит. Беды человека научают мудрости. Золото огнем искушается, а человек напастями. Бог вымучит, Бог и выучит.* «Такое представление о горе как о неизбежном учителе жизни вызвано, по-видимому, отношением к горю не просто как к эмоции, но как к переживанию, которое, являясь в момент кризиса, вызывает переосмысление своего места в жизни, переоценку ценностей человека» (Мальцева, 2005, с.268). В одной лубочной сказке невидимка-горе, выскочив из-за печи, отнимает у старика последний кусок хлеба, а потом дарит курицу, несущую золотые яйца (Базылев, 1999). *А чужая беда не дает ума, не учит.* Кроме того, в русских поговорках **горе утишает.** *Сильный ветер комаров прогоняет, а сильное горе людей утишает. Слезы — что гроза: после них человек всегда тише.* Из испытания горем, бедой, несчастьем человек может выйти более мудрым, тихим, мирным, смиренным.

Переживание горя и преодоление тягостных событий, обстоятельств жизни происходят **с живым участием другого человека.** *Сердце не камень. Человек жалюю живет. Скорбит человек по человеку. Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу. Материнская молитва со дна моря вынимает. Вместе потужим — спологоря. Конь узнается на горе, а друг при беде.* Поговорки говорят как о возможности **поделиться горем, облегчить душу,** так и о переживании горя в себе — *носи платье, не складывай; терпи горе, не сказывай.*

Жалость — одна из самых непосредственных и в то же время одна из самых культурно от-refлексированных эмоций, описываемых рус-

ским языком. Это «мгновенная реакция души на чужое страдание» (Левонтина, 2005, с.271). Так, в суффиксе *-ушка* отмечается чувство жалости и сострадания. Этим чувством обусловлено наличие в русском фольклоре слов, называющих абстрактные экзистенциальные понятия, — *горюшко, смертушка, долюшка*. Экспрессивность, заключенная в суффиксе *-ушка*, отражает важную черту русской народной философии, которая считает, что человек заслуживает жалости и поощряет смирение и сострадание. Вежбицкая приводит замечание В.Соловьева, что русские крестьянки употребляли слово *жалеть* вместо *любить*. Формы на *-ушка* связаны с экзистенциальными понятиями и передают теплые чувства, которые вызваны не столько приятными чертами адресата, сколько жизненным опытом говорящего, его знанием о тех бедах, которые случаются с человеком (Вежбицкая, 1996, с.131).

Жалость побуждает к «жалению» — утешению. «Она неожиданно заплакала. Он растерялся и замолчал. Она плакала всхлипами, по-детски, и старалась укрыться шалью. Он стал ее успокаивать, называя нежно — милая, остро ее жалея, спрашивая, какое у нее горе, кто ее обидел?.. Я забыл о своем... — рассказывал Виктор Алексеевич, — сердце мое расплавилось, и загорелось во мне желание утешить, спасти это юное существо, которому что-то угрожало» (И.Шмелев, 2004, с.27). Жалость не всегда действенна. *Жаль, жаль, а пособить нечем. Всяк потужит, да не всяк послужит. Чужое горе оханьем пройдет. Человек остается в горе один. Сколько не искать, а милости у людей не сыскать. Горе одолеет, никто не пригреет. Горе сирю. Во благо время много друзей бывает, а в безвременье и свои оставляют.* Об этом говорит и **противопоставление свое-чужое в горе**. *Больны раны на свои плечи. Чужое горе полсилою горевать. Чужую беду на бобах разведу, а к своей и ума не приложу. Кому не больно, тому и не тошно. Пословицы **предостерегают не радоваться чужому горю**: Не радуйся чужому безвременью! Сам под Богом ходишь. Не смейся чужой беде — своя на гряде. **Не прятаться за чужим горем**: Не тужи, мати, о чужом дитяти. Потужи по себе, а потом о других! Чужая печаль с ума свела, а по своей потужить некому. **Не оплакивать прежде времени**: Живого не называй мертвым!*

Из непредсказуемости мира, а также характерной для «русской души» тенденции к крайностям (Булыгина, Шмелев, 1997), рождается еще один любопытный тип установки — мотив **лихачества, снижения значимости события, розовых очков, знаменитый русский авось, жизнь не благодаря, но вопреки**. *Это мне все нипочем. Все в щепы да в дрова: не тужи, голова! Мне все это трын-трава. Мною хоть лавки мой да и дресвы подсыпай! Стряс беду, как гусь воду. Людям тын да помеха, а нам смех да*

потеха. Судьба индейка, жизнь — копейка. Сбыл беду, что соседову жену. Ляг опочишься, ни о чем не кручинься. Над этой бедой не призадумайся. Черепком напьюсь, дубинкой отобьюсь. Жив наперекор судьбе. Всем смертям назло. Авось пронесет.

Беду не предугадать, она незримо пребывает вблизи человека. *Беда не за горами, а за плечами.* Несмотря на то, что горящему в период острого горя тяжесть кажется бесконечной, непереносимой (*Такая припала тоска, да не выпустил бы из рук куска. Ни плачем заплакать, ни смехом засмеять. Лучшие пропасть, чем терпеть злую напасть*), «со временем» человек утешится. *Горе не беда. Глуби моря не высушить, горю сердца не вымучить. Не все нам приплакать, притужить; надобно печаль на радость переложить. Эта беда влезет в ворота.* Тягостное событие вписывается в личную историю, обретает смысл в перспективе жизни. *Жизнь прожить — не поле перейти. Век долг — всем полон. На веку, как на долгом волоку, разное пережить придется. Всего горя не переплачешь: даст Бог, еще много впереди.* А многое просто забудется. *И крута гора, да забывчива; и лиха беда, да сбывчива. Время лечит.*

Как бы ни была непредсказуема жизнь, «судьба — не слепой рок, она предполагает высший смысл, таинственную синергию между велением Божиим и волей человека, свободное исполнение человеком Божьего замысла, предначертание, в соответствии с которым человек должен стараться жить» (Шмелев, 2002, с.212). *Все под Богом ходим. Страшен сон, да милостив Бог. Страшно море, да Бог переносит. Больше горя — ближе к Богу. Нужный путь Бог правит. Бог пути кажет. Кому Бог поможет, тот все переможет. В беде не унывай, на Бога уповай! Где беда, там и Бог. С молитвой легче бедуется. Бог и плач в радость преворят.* В этом и основное упование, и надежда для человека в русской языковой картине мира. Ведь с Ним нет безнадежных потерь (митр. Трифон).

* * *

Я благодарю А.А.Зализняк, Д.О.Добровольского, Е.Е.Жигарину за помощь в написании статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев С.С.* Вода // Мифы народов мира: Энциклопедия. 2-е изд. Т.1. — М., 1991; с.240.
- Апресян В.Ю.* Семантика и прагматика судьбы // Материалы международной конференции «Диалог 2006» <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Apresyan.htm>

- Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37—67.
- Базылев В.Н.* Горе: к языковой форме концепта в русской культуре // Семантика и прагматика языковых единиц: Межвузовский сборник научных трудов. Уфа: БГПИ, 1999. С.161—171.
- Балобанова К.А.* Концепт тоски в заговорах (к вопросу о вариативности заговорно-заклинательной традиции). <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/baloban.htm>
- Булгаков С.Н.* Православие. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 365 с. — (Философия. Психология).
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 576 с.
- Вадеев А.Г.* Феномен страдания в культуре современности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 24.00.01. — Теория и история культуры. Новгород, 2004.
- Василуик Ф.Е.* Пережить горе // Человеческое в человеке. М., 1991. С. 230—247.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. ; отв. ред. М.А.Кронгауз, вступ. ст. Е.В.Падучевой. М.: Русские словари, 1996. — 416с. http://philologos.narod.ru/ling/wierz_rl.htm
- Вышеславцев Б.П.* Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6.
- Гермоген (епископ).* Утешение в смерти близких сердцу. М.: Православный паломник, 1997.
- Головановская М.К.* Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. М.: Диалог. МГУ, 1997.
- Гутнер Г.Б.* Риск и ответственность субъекта коммуникативного действия. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2008. — 248 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. <http://vidahl.agava.ru/>
- Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка. М.: Астрель, 2006. Т. 1.
- Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. Языки славянских культур. М., 2006.
- Зализняк Анна А., Левонтина И.Б.* Отражение «национального характера» в лексике русского языка. // Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 307—336.
- Заяц И.Г.* Языковая репрезентация эмоциональных концептов «радость» и «горе» в средневерхненемецком языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Специальность 10.02.04. — Германские языки. СПб., 2006.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н.Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.

- Левонтина И.Б.* Помилосердствуйте, братцы // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 270—279.
- Мальцева Л.В.* Интерпретация концепта «горе» в русской языковой картине мира // Проблемы интерпретационной лингвистики: интерпретаторы и типы интерпретаций. Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. С. 260—270.
- Митр. Трифон (Туркестанов).* Акафист Слава Богу за все. Сатись. Держава. СПб., 2004.
- Национальный корпус русского языка.* www.ruscorpora.ru
- Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988.
- Пословицы и поговорки русского народа.* Большой толковый словарь / В.И.Зимин, А.С.Спирин. Изд. 2-е, стер. Ростов н/Д: Феникс; М.: Цитадель-трейд, 2005. — 544 с. (Словари)
- Пословицы русского народа:* Сборник В.Даля: В 3 т. М.: 4 КРАСКИ, 2006. — 384 с.
- Протоиерей Сергей Булгаков* Дневник духовный. М.: Общедоступный православный университет, основанный протоиереем Александром Менем. 2003.
- Словарь русских пословиц и поговорок / В.П.Жуков.* Изд. 11-е, стер. М.: Рус. яз.; Медиа, 2004. — 539 (5) с.
- Словарь русских пословиц: ок. 1000 единиц / В.М.Мокиенко, Ю.А.Ермолаева, А.А.Зайнудинов, Т.В.Кормилицина, Е.И.Селивестрова, Н.Е.Якименко; под ред. В.М.Мокиенко.* М.: Астрель; АСТ, 2007. — 381 (3) с.
- Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. — 990 с.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288с.
- Тэн И.* Об уме и познании. СПб.: Издание Пантелеева. 1884.
- Урысон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / Рос. Академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. М.: Языки славянской культуры, 2003. — 224 с. (Studia philological).
- Успенский В.А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных (1979) // Семиотика и информатика. Вып. 35 / Ред. В.А.Успенский. М.: Языки русской культуры. Русский словарь. 1997. С. 146—153.
- Шмелев А.Д.* Русская языковая модель мира. Материалы к словарю. Языки славянской культуры. Москва, 2002. 224 с.
- Шмелев И.С.* Пути небесные. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. М.: Русская книга: Известие. 2004.
- Janet.* Les dйbuts de l'intelligence. Paris: Flammarion, 1935.